

Отражение истории высадки вражеского десанта 1943 года в Коми АССР в романе А. Д. Знаменского «Неиссякаемый пласт»

И. Л. Жеребцов*, В. И. Меньковский**,**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

** Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vmenkouski@gmail.com

Аннотация

В работе рассмотрен начальный этап творческой биографии писателя А. Д. Знаменского, связанный с его пребыванием в Коми АССР. Отмечено, что в Коми АССР А. Д. Знаменский написал свой первый роман «Неиссякаемый пласт», первую часть которого позднее переработал в роман «Иван-чай». Показано, как в романе в художественной форме впервые в открытой печати отражены реальные события, связанные с десантированием вражеских диверсантов в Коми АССР в июне 1943 г.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Коми республика, десант, художественная литература, А. Д. Знаменский

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Коми АССР являлась тыловым регионом, далеко отстоявшим от линии фронта. Тем не менее немецкие стратеги разрабатывали планы перенесения военных действий и на территорию республики, намереваясь использовать для этого десантные диверсионные группы и многочисленных заключенных, содержащихся в расположенных в регионе лагерях. Короткая история вражеского десанта июня 1943 г., в задачи которого входили организация диверсий на Северо-Печорской железной дороге (и, в частности, взрыв моста через Печору), освобождение заключенных ряда лагерных пунктов и создание из них вооруженных отрядов для разворачивания антисоветской «повстанческой деятельности», достаточно хорошо изучена [1–7 и др.]. Поэтому авторы ограничатся лишь краткой справкой о событиях, произошедших в июне 1943 г. на берегу Печоры.

В ночь с 5 на 6 июня 1943 г. вылетевшие из Норвегии два немецких самолета сбросили в районе совхоза «Кедро-

Reflection of the history of the 1943 landing of the enemy troops in the Komi ASSR in the novel by A.D. Znamensky «The Inexhaustible Layer»

I. L. Zherebtsov*, V.I.Menkovsky**,**

*Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

** Belarusian State University, Republic of Belarus,
Minsk

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vmenkouski@gmail.com

Abstract

The paper considers the initial stage of the creative biography of the writer A. D. Znamensky, associated with his stay in the Komi ASSR. It is noted that during his stay A. D. Znamensky wrote his first novel "The Inexhaustible Layer", the first part of which he later reworked into the novel "Ivan-Tea". It is shown how, for the first time in the open press, the real events related to the landing of enemy saboteurs in the Komi ASSR in June 1943 are reflected in the novel in artistic form.

Keywords:

Great Patriotic War, Komi Republic, landing, fiction, A. D. Znamensky

вый Шор» Интлага НКВД (Кожвинский район Коми АССР) 12 десантников, хорошо вооруженных и одетых в форму войск НКВД. Диверсанты (выходцы из разных регионов СССР, в том числе А. Г. Доронин из Коми АССР) застрелили командира группы и решили сдаться. Утром 8 июня два участника десанта пришли на ближайшую ферму, где под охраной трех стрелков работали 60 заключенных, сдали оружие, сообщили о своей высадке, об убийстве руководителя и о намерении всех диверсантов сдаться. 8 июня из Сыктывкара в Кедровый Шор вылетела на самолетах группа оперативных работников Наркомата внутренних дел Коми АССР во главе с наркомом внутренних дел Коми АССР С. И. Кабаковым. Стрелки ВОХР из ближайших к месту высадки десанта лагерных пунктов, а также вооруженные коммунистические и советские активисты Кожвинского района были направлены в Кедровый Шор. В тот же день остальные десантники сдались прибывшему к их лагерю отряду из 10 стрелков; при этом в случайной перестрелке был убит один из десантников. После проведенного след-

ствия все участники десанта были отправлены на фронт, за исключением А. Г. Доронина, из-за болезни освобожденного от военной службы.

История о вражеском десанте и в военные, и в первые послевоенные годы не разглашалась. Сразу после получения известия о высадке диверсантов первый секретарь Коми обкома ВКП(б) А. Г. Тараненко предложил нарком внутренних дел Коми АССР С. И. Кабакову принять меры для того, чтобы сведения о вражеском десанте не распространялись, и нарком запретил переговоры на эту тему по телефону и селектору [1, с. 144]. Однако слухи о случившемся в различной форме (в том числе и со значительным преувеличением масштабов события) все же передавались и среди вольного населения, и среди заключенных.

Одним из таких заключенных был Анатолий Дмитриевич Знаменский – будущий писатель, лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького и международной премии имени Михаила Шолохова в области литературы и искусства, автор двухтомного романа «Красные дни» и десятков других художественных и публицистических книг, хорошо известный, в частности, на юге России, где прошла его основная творческая жизнь [8–13 и др.]. А начинал он как писатель в Коми АССР, но этому периоду его творчества уделено значительно меньше внимания [14–16].

А. Д. Знаменский родился 1 мая 1923 г. в казацкой семье на хуторе Ежовский (Ежовка) станицы Слащевская (в совр. Алексеевском районе Волгоградской области), в старших классах увлекся литературным творчеством и журналистикой – написал фантастическую повесть, вел дневник, издавал с одноклассниками рукописный журнал. 17 апреля 1940 г. его арестовали – то ли за неосторожные высказывания, то ли за чтение какой-то запретной литературы; затем обнаружили крамольные записи и рисунки в дневнике и журнале, что усугубила ситуацию [11; 17; 18; 19, с. 62]. А. Д. Знаменского приговорили к шестилетнему заключению в исправительно-трудовом лагере и отправили в Коми АССР.

В Коми АССР А. Д. Знаменский вначале работал в сельхозе «Ухта», который должен был снабжать продовольствием заключенных Ухтпечлага, трудился на лесоповале, раскорчевке, добыче торфа, из-за истощения попал в лагерную больницу, где его выходили (помог не только врач, но и больничная паек). Затем благодаря грамотности и хорошему почерку его назначили помощником нормировщика в лагерную контору. Однако вскоре А. Д. Знаменского направили на прокладку трассы Ухта – Крутая и строительство сажевого завода, затем была работа десятником на каменном карьере близ Северо-Печорской железной дороги, обустройстве нефтешахта на Яреге и второй очереди Ухтинского нефтеперегонного завода [16].

А. Д. Знаменский не раз говорил: «Моими университетами был лагерь. Там мне помогли во всем разобраться. Там все четко знают». «Свои университеты я прошел на Севере, в Коми». «Там я общался с умным народом – с академиками, композиторами, писателями...». Многие из тех, кого А. Д. Знаменский встретил в лагерях, стали прототи-

пами героев его первых журналистских и литературных опытов [11]. Когда А. Д. Знаменский отбыл примерно половину своего срока, произошла высадка вражеской диверсионной группы на берег Печоры.

По истечении шестилетнего срока А. Д. Знаменского в 1946 г. выпустили из лагеря, но он, как сам рассказывал позднее, «был освобожден "с прикреплением к производству", без права ухода с должности инженера по нормированию, что являлось по сути скрытой ссылкой, поселением навечно в Коми АССР» [20]. Работал он в управлении нефтеразведочного треста пос. Войвож. (В биографических справках о писателе, издававшихся в доперестроечный период, об этих годах деликатно повествовалось так: «После окончания средней школы, с 1940 по 1958 г., А. Знаменский работал на новостройках Коми АССР разнорабочим, десятником каменного карьера, старшим нормировщиком строительного-монтажного управления, начальником отдела труда и зарплаты в нефтеразведке» [21, с. 108]).

Работая в Войвоже, А. Д. Знаменский начал заниматься литературной работой – по его словам, «уже через полгода начал большую повесть о героическом труде нефтяников Севера в период войны с фашистами» [20]. В это произведение (вылившееся из повести в роман) автор включил и историю с вражеским десантом (наверное, правильнее сказать – фантазию по мотивам истории десанта). В романе впервые в открытой печати содержалось упоминание о высадке диверсантов в Коми АССР в 1943 г.; правда, выведенные в романе события мало в чем совпадали с реальными, но ведь то было художественное произведение, а не историческое исследование.

Вот несколько фрагментов из романа, посвященных десанту. *«Николай оглядел взьерошенную кромку вершин и насторожился. К лесному шороху явственно присоединялся какой-то другой чуть слышный посторонний гул... Самолёт? Звук был ещё довольно далёким, но почему-то больно задевал за память. Было в нём что-то злобное, надрывное, чужое. Казалось, что в хвое ближних елей кто-то разбудил сотню шмелей. Николай ещё раз недоумевающе огляделся. <...> Посмотрел на часы: пять часов утра... И вдруг одним неожиданным толчком звук усилился, и сразу стало ясно различимо приближение самолётов».*

«Далеко-далеко над синей вязью вершин появились три быстро растущие точки. Сомнения больше быть не могло: шло звено самолётов. А характерное надрывное гудение, переходящее в зловещий вой, убеждало в их принадлежности. Но откуда и зачем появились они здесь?.. <...> Не находилось ни одного сколько-нибудь логичного ответа, но факт был налицо: где-то между Котласом и Нарьян-Маром, за несколько сот километров от передовой, над глушью тайги выли немецкие самолёты. Они миновали посёлок, пролетели над головой и развернулись над зелёной равниной болота».

«Внезапно под фюзеляжем одного из самолётов мелькнул чёрный комок и через минуту расцвёл серым шёлковым венчиком. За ним раскрылись второй, третий... Сомнений не оставалось: это были немецкие парашютисты.

Самолёты сделали круг, ушли вверх и скрылись на западе. Но этого Николай уже не видел. Он забыл о золотов-

ской буровой и бросился обратно. Хлопнула дверь, и Николай почти упал на стол, сорвав телефонную трубку: <...>

– Это начальник Верхне-Пожемского участка... В районе Пожемских болот высажены парашютисты. По-моему – немцы!

– Я как раз говорил по этому поводу, – спокойно сказал майор. – Это товарищ Горбачёв? Очень хорошо... Спасибо... <...>

– По данным контрразведки – это десант с целью диверсии на Северо-Печорской магистрали. Хотят изолировать блокированный Ленинград от воркутинского угля. Наша боевая группа уже готова. Ждали сведений о точном месте высадки десанта... Теперь ясно. Ваша задача – всеми силами помешать им выйти на железную дорогу до подхода нашей группы.

– Задача ясна, однако, у меня почти нет никаких сил, – откровенно сказал Николай. – Диверсанты, конечно, вооружены до зубов...

– У вас есть люди, – и подчеркнул: – Люди! Продержитесь два-три часа.

– Да, люди у меня есть... – повторил про себя Николай. Потом подумал, прикинул что-то в уме и сказал сухо и чётко:

– Слушаюсь, товарищ майор! Задержим!...»

«В посёлке набралось семнадцать охотничьих ружей и три допотопных шомпольных дробовика. У Николая был пистолет. Это было всё, что можно противопоставить десанту. Это были до смешного маленькие силы, но три часа надо было продержаться...» «Все мужчины посёлка двинулись к болоту. Девушки должны были поддерживать связь. В случае отхода отряд предполагалось разбить на две группы и отстаивать две ближние буровые».

«Болото впереди молчало, по Николай чувствовал, что скоро оно заговорит. Диверсанты, видимо, собирались к назначенному месту, или же послали в каком-то направлении разведчиков и ждали первых донесений. Молчание их не могло продолжаться долго.

Иметь бы десяток автоматов, десять-пятнадцать гранат, тогда бы он не торчал в этой обороне. Самое лучшее – выловить всю банду поодиночке, но с чем сейчас идти на немецкие автоматы? Единственно возможное дело – использовать знакомую местность, в гуще леса в упор обстрелять их картечью из ружей.

Николай трезво сознавал, что всю группу, собранную в кулак, задержать будет невозможно. Поэтому-то и слова его были неестественно легковесными, когда он пытался подбадривать насупившихся охотников:

– Ничего, товарищи! Я их уже видел под Москвой. Назад – ни шагу: они нас не видят – стрелять по команде, в упор!

– Прямо в морду! – поддерживал Смирнов, взводя курки, и чувствуя, как между лопаток прокатываются колкие, ледяные дробинки.

– А что если совсем не стрелять, а дожидаться, пока подойдут, и – толовыми шашками? – предложил кто-то из подрывников, не покидая облюбованного куста.

Николая захватила эта смелая мысль.

– А ну-ка, изобретатель, сколачивай ударную группу! Только сами не подорвитесь, да заряды чтоб были в меру!

И тут же удовлетворённо подумал: «С таким народом – не пропадёшь...»

«Немцы вышли на сухую полосу, облегченно огляделись по сторонам и стали переговариваться. Заросли осинника и черёмухи, видимо, страшили их. Лучше было пройти между ёлками, стоящими, словно две сестры, над низкорослым кустарником.

У Алексея затекли пальцы, окостенев на удобной, волнистой ручке ножа. После ранения Кати сердце его сгорало от злобы, от желания воткнуть этот острый кусок стали в душу врага. Едва автоматчики поравнялись с ёлками, слева, словно рысь, метнулось гибкое, напряжённое тело, и нож, блеснув под солнцем, с хрустом вошёл в плечо крайнего немца...

– Клади машину, гад! В бабушку в твою, в Гитлера, в бога! – загремел откуда-то сверху грубый голос Семёна, и второй немец ощутил на виске холодное дыхание стального дула, – клади, говорю, чтоб убытку не было! «

«Семён забрал автоматы и выразительно мотнул головой вперед. Пленные двинулись. Передний покачивался, придерживая левой рукой раненое плечо».

«Партизан! – с ужасом подумал задний немец. – Ужасная страна! Здесь даже в глубоком тылу полно партизан!» – И стал вспоминать русские слова, которым его учили перед десантом. Слова не находились. Недавний окрик Бутырева отшиб у него память.

Не поворачивая головы, немец неожиданно выпалил, словно автомат:

– Гитлер капут... Интернациональ...

Бутырева трудно было пробить таким тоном. Он злобно подтолкнул его коленом:

– Иди, иди! Свой стал! Теперь ты ещё не так запоешь, лишь бы живую остаться».

«После допроса Николай отправил пленных к Кравченко в сопровождении Глыбина и расставил прибывшую группу дорожников в разрыве между фланговыми группами.

И вслед за этим тишина кончилась. Немцы обрушились на левый фланг – шумихинский. Они обстреляли опушку из автоматов и цепью бросились вперёд, прочёсывая тайгу. На их очереди изредка отвечали ружейные выстрелы. Порядка не было. Шумихин, кажется, стал отходить. Из допроса Николай узнал, что немцев – сорок два человека. Четверо выведены из строя. Остаётся узнать – все ли они двинулись на участок Шумихина, или надо ждать атаки и в других местах?

Из кустов выбежала Шура Иванова с растрёпанными косами.

– Шумихин прислал! – захлебнулась она. Скороговоркой, выравнивая дыхание, зачастила: – Немцы отжали нас от болота! Прочёсывают тайгу... Отходим к посёлку... Буровые пока вне опасности...

– Немцев много?

– Точно не знаю. Наверно, много... Семён Захарович передал, что часа полтора можно продержаться и не допустить немцев к посёлку...»

«Немцы врассыпную бежали к лесу. Вдоль дороги издали шелестящим водопадом хлестнули ручные пулемёты. Тяжело переваливаясь по лежням времянки, приближались автомашины с бойцами ликвидационной группы. Николай успел заметить, как с зелёной густохвойной ели, чудом уцелевшей на вырубке, около самых пней, прыгнул Алёшка Овчаренко и, схватив автомат за ствол, понёсся вслед немцам. А в двух шагах лежал Глыбин, прижавшись небритой щекой к холодному суглинку, и холод земли уже сковывал его огромное недвижимое тело. Из кабины передней машины вылез грузный, вспотевший человек в зелёном кителе. Он бросился к Николаю, схватил за плечи и, крепко тряхнув, пожал обе руки:

– Спасибо! Спасибо, товарищ Горбачёв! За работу и за оборону. За битву в тылу!..

Николай узнал Орлова, начальника комбината.

– Служим Советскому Союзу! – по старой памяти вытянулся в струнку Николай.

Бойцы рассеялись в тайге, вылавливая последних десантников» [22, с. 229–253].

Первоначально роман должен был называться «Далеко от фронта». Но, вспоминая А. Д. Знаменский, «вышедший в 1948 году и нашумевший роман В. Ажаева "Далеко от Москвы" тут же заставил меня поискать новое название, и поскольку речь у меня шла о геологической разведке нефти, точно вылилось длиннее, идеологически выверенное словосочетание "Неисскаемый пласт"» [20]. Лагерь и заключенные в романе по цензурным соображениям не упоминались. В 1949 г. А. Д. Знаменский завершил свой роман и отправил на литературную консультацию в Ленинградское отделение Союза советских писателей.

По словам А. Д. Знаменского, результат рецензирования превзошел все его ожидания: рукопись романа одобрили Эльмар Грин (А. В. Якимов), удостоенный в 1947 г. Сталинской премии первой степени за повесть «Ветер с юга», и В. А. Кочетов, журналист, занявшийся после войны литературной деятельностью (будущий автор романа «Журбины» и секретарь Ленинградского отделения Союза писателей). «Кочетов свою рецензию начал с недвусмысленной фразы: "А. Знаменский написал замечательную книгу"» [там же]. Много позже А. Д. Знаменский самокритично признавал: «Обе эти рецензии были даны с большими авансами автору-провинциалу: в рукописи, кроме удачных зарисовок с натуры, было достаточно и "провальных" мест дешевой риторики, и растянутых описаний природы Севера, и морализаторства» [там же].

Надеясь на публикацию романа в ленинградском журнале «Звезда», А. Д. Знаменский «испросил зимний отпуск и махнул в Ленинград, нимало не обеспокоясь тем, что вновь рисковал арестом и тюрьмой», поскольку «паспорт мой был выдан "согласно статье 39-й Положения о паспортах", а с такой пометкой в паспорте мне запрещалось появляться не только в Москве и Ленинграде, но и во всех областных центрах страны, а также в Сочи и Ялте» [там же]. В Ленинграде он обратился к редактору этого журнала В. П. Друзину и ответственному секретарю правления Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Г. Дементьеву. Последний предложил опубликовать

отрывки из романа в ежегодном «Ленинградском альманахе» (предшественнике журнала «Нева»), но через две или три недели А. Д. Знаменский получил новое предложение – напечатать роман в Петрозаводске – в ежемесячном журнале «На рубеже» (позднее – «Север»). А. Д. Знаменский отправился в Петрозаводск, где его «мягко пожурели... за "бытовизм" и, не говоря худого слова, тут же положили... на стол ножницы и дали пузырек с клеем: требовалось убрать все те куски, которые так смутили в Ленинграде В. П. Друзину и А. Г. Дементьева. А их было немало»; автор «послушно и безропотно обкорнал собственную рукопись» [там же].

В условиях запрета на посещение ряда городов поездка в Ленинград и Петрозаводск была, действительно, чрезвычайно рискованна. Однако один фрагмент из воспоминаний писателя А. Е. Рекемчука заставляет задуматься, на самом ли деле А. Д. Знаменскому угрожала опасность в случае его «обнаружения» в запрещенных для пребывания городах. В 1950-х гг. А. Д. Знаменский участвовал в литературном объединении при газете «Ухта», которое в 1955 г. организовал и возглавил журналист, известный впоследствии писатель А. Е. Рекемчук. Он поведал о своих жарких спорах на политические темы в Ухте и Войвоже с человеком, которого он не назвал по фамилии, но описал весьма узнаваемо: «Он был родом из казачьей станицы, его арестовали перед войной то ли за то, что читал запретное (говорит, что за "Десять дней, которые потрясли мир", за Джона Рида), то ли высказывался слишком круто, как нынче. Отсидел шесть лет в лагере, получил пожизненную ссылку и теперь жил в Вой-Воже, поселке нефтяников близ Ухты, работал нормировщиком, а на досуге сочинял романы – собственно, это увлечение и подсказало ему мысль искать встречи со мною...» [19, с. 62], «Через несколько лет он уехал со всей семьей в родные места, купил дом в станице, потом перебрался в краевой центр. Там он всецело посвятил себя творческой работе, выпустил несколько романов, посвященных противоборству красных и белых на Дону. Кстати, романы эти были вовсе неплохи» [там же, с. 68].

Политические дискуссии в описании А. Е. Рекемчука выглядели примерно так:

«Я, выезжая по заданиям редакции на нефтяные промыслы, иногда находил ночлег в его домишке. <...> Тут-то <...> и разгорались снова наши словесные баталии. Зачин у них был всегда один и тот же: что зря пожалели плетьюгов в девятьсот пятом и девятьсот семнадцатом, и что всех коммунык надо вешать на фонарях. <...> И я, со всею страстью молодых лет, спорил с хозяином.

– <...> ...если Советская власть <...> прикажет долго жить, то, прежде всего, встанет вопрос о собственности на средства производства! Кому будет принадлежать эта земля, этот лес, где мы с тобою сейчас водку пьем? Кому будет принадлежать вот это самое, на чем мы сидим, – я показал пальцем в пол, – войвожская нефть, вуктыльский газ? Кто купит Ухтинский нефтеперерабатывающий завод? Кто купит Ярегские нефтешахты?..

– Кто захочет, тот и купит, – досадливо отмахивался он.

– А деньги где возьмет? Ведь это же не три с полтиной!..

– Наворует. За три с половиной и купит.

Поразительно не то, что мы в те далекие и дремучие времена охватывали мыслью весь масштаб созревших проблем, проникали в их сокровенную суть, в сердцевину, – нет-нет, поразительно вовсе не это. Теперь, вспоминая наши войвожские застольные дискуссии, я дивлюсь другому. Что он уже тогда был несокрушимо прав: наворуют и купят, за три с половиной» [там же, с. 65–66].

Познакомил спорщиков Борис Рымарев (эту фамилию А. Е. Рекемчук позднее дал герою двух своих произведений), о котором А. Е. Рекемчук сообщил следующее: «Прошел войну, был командиром Красной Армии, преподавал в Бронетанковой академии, потом сел. За что и как получил срок – я не спрашивал» [там же, с. 62]. «Однажды я встретился с Рымаревым на ухтинском железнодорожном вокзальчике. <...> Поездов пока не было, стояла тишина, и он отвел меня в сторонку, подальше от чужих ушей и глаз.

– У меня тяжесть на душе, – сказал он. – Ведь это я познакомил вас... но, понимаете, он очень просил об этом, а я не мог отказать – ведь мы с ним вместе сидели, на одних нарах спали... Так вот, тем более я должен вас предупредить: этот человек – стукач. Он стучал, уже сидя в лагере, и за то ему были там всякие поблажки. Он многих посадил, то есть с его стука многим дали повторные сроки... будьте осторожны. Еще раз извините меня.

А тут и подошел чей-то поезд, то ли его, то ли мой...» [там же, с. 66–67].

Если Б. Рымарев сказал правду, если А. Е. Рекемчук правильно его понял и верно передал его рассказ, то история о поездках А. Д. Знаменского в Ленинград и Петрозаводск может не выглядеть такой уж опасной – А. Д. Знаменский мог получить негласное согласие органов НКВД на эти путешествия и ничем не рисковал. Впрочем, в данном случае сообщение А. Е. Рекемчука – как говорится, «показание с чужих слов», причем писал он о человеке, к которому он, судя по тону его мемуаров, относился не очень хорошо («наши представления о жизни еще более разошлись, и мы не искали встреч друг с другом, хотя, бывало, сталкивались на писательских съездах») [там же, с. 68].

Как бы то ни было, в 1950 г. журнал «На рубеже» опубликовал первую часть романа «Неиссякаемый пласт», в которой действие происходит в годы Великой Отечественной войны, в 1952 г. – вторую часть, посвященную послевоенным событиям. В 1956 г. «Неиссякаемый пласт» вышел отдельной книгой в Сыктывкаре (498 с., тираж 15 тыс. экземпляров); при подготовке к изданию А. Д. Знаменский восстановил вырезанные при журнальной публикации фрагменты (в книге датами создания романа указаны 1948–1954 гг.) [22]. Редактором книги был А. Е. Рекемчук, обложку оформил известный коми художник М. П. Безносков. Ведущий коми литературовед того времени А. А. Вежев в газете «Красное знамя» в 1956 г. откликнулся на выход романа в целом положительной рецензией «Роман о пробужденной тайге», однако отметил, что «автор недостаточно продумал композицию романа. Вторая часть его логически в сюжетном плане не совсем соответствует

первой части». Больше А. Д. Знаменский никогда «Неиссякаемый пласт» не переиздавал. Вторая часть забылась, а первую часть он переработало в роман «Иван-чай», изданный в 1963 г. в журнале «Урал», а в 1964 г. вышедший в одной книге вместе с «Ухтинской прорвой» как диалогия [23] и затем не раз переиздававшийся.

В «Иван-чае» время и место действия романа обозначено более определенно. Если «Неиссякаемый пласт» открывался словами «В тот год тайга не ждала людей... На дальнем севере, куда не достигали ни залпы орудий, ни зловещие отблески пожаров, где в зеленом омуте тайги прижилась тысячелетняя тишина, летом разразилась гроза» [22, с. 3], то «Иван-чай» сообщал: «В том году тайга не ждала людей. В летнюю пору сорок первого года над всем зеленым миром, над лесными урочищами Верхней Печоры и взьерошенными увалами Тиманского кряжа, густо шли темно-багровые тучи» [24, с. 6]. Сцены с ликвидацией вражеского десанта изложены в обоих редакциях романа сходным образом (хотя и не полностью идентично). В частности, в «Иван-чае» добавлена сцена прощания с погибшими: «Вечером хоронили тринадцать погибших при ликвидации вражеского десанта. У первой могилы, где стояли три гроба с телами Шумихина, отца и сына Останиных, наскоро соорудили трибуну. Генерал сказал речь». «Трижды ударили залпом семнадцать охотничьих ружей и три допотопных шомпольных дробовика. Трижды дрогнула, затрепетала вершинами тайга. На первой буровой тягуче, надрывно завыл гудок» [там же, с. 331–332].

В 1950-х гг. А. Д. Знаменский работал над вторым романом «Ухтинская прорва», посвященном истории нефтеразработок на Ухте в начале XX в. Этот роман был завершен к 1957 г. – году, когда писателя реабилитировали «за отсутствием состава преступления». В том же году А. Д. Знаменского приняли в Союз писателей СССР – главным образом, именно на основании рукописи этого романа («Неиссякаемый пласт» был намного слабее). Получив в 1957 г. окончательную свободу, А. Д. Знаменский перешел на работу в редакцию районной газеты «Ухта», заведовал отделом промышленности, но особого удовольствия от журналистики не получал и вспоминал позднее: «Моя работа в редакции районки не заладилась как-то с самого начала», его статьи и заметки перед публикацией «портили и кромсали» [16]. Может быть, свою роль сыграли дискуссии с А. Е. Рекемчуком или с кем-либо еще из коллег-журналистов и писателей. Между прочим, А. Е. Рекемчук тоже заинтересовался историей с десантом и в 1958 г. напечатал в республиканской газете «Красное знамя» документальную повесть «Б7–Б7 выходит из игры» [25]; очевидно, он получил доступ к документам, поскольку повесть относительно точно передает некоторые произошедшие в 1943 г. события (повесть позднее переиздавалась в книжном формате [26]).

В 1958 г. в Коми книжном издательстве был опубликован роман А. Д. Знаменского «Ухтинская прорва». В том же году писатель уехал из Ухты в Москву, где поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького [16]. Из Москвы он в 1960 г. уехал на Кубань в г. Хадыженск, затем – в Горячий Ключ, позднее –

в Краснодар, опубликовал серию книг (художественная проза, поэзия, публицистика).

На север А. Д. Знаменский больше не приезжал, но в 1963 г. написал повесть «Обжалованию не подлежит», рукопись которой отправил в московские журналы. В «Новом мире» и «Юности» повести дали одобрительные оценки, но не опубликовали. Действие повести происходит в северных лагерях, причем как раз в 1943 г. – году высадки вражеского десанта на Печору. Об этом сказано в самом начале повести: «Военная зима 1943 года. Крайний Север. Ухто-Печорские исправтрудлагеря... Зона» [27, с. 20]. Писатель В. П. Астафьев высоко оценил повесть и писал А. Д. Знаменскому, что эта повесть «может, самая важная в твоей жизни» [28, с. 139]. Литературовед Ю. И. Дюжев противопоставлял главного героя этой повести, сохранившего в лагерях силу духа, сломленному судьбой персонажу «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына [там же, с. 138–139].

Опубликовали повесть только через 30 лет – в 1993 г. в «Роман-газете» под названием «Без покаяния». «Видя шумный, но эфемерный успех диссидентствующих писателей, выплескивающих тюремную психологическую баланду в сознание и души людей новых поколений, Анатолий Дмитриевич, как будто с некоторой обидой говорил, что всё это и раньше других он уже описал в повести "Без покаяния". И вроде бы недоумевал, хотя и знал, почему его лагерная повесть оставалась незамеченной ниспровергателями советского периода истории, в то время как писания других авторов об этом же превозносились непомерно» [12]. В 1994 г. повесть издали в Краснодаре [27].

Последний отклик А. Д. Знаменского на «северный» период его жизни появился в начале 1997 г. – в двух номерах газеты «Литературная Кубань» (№ 2 и 3) были опубликованы его размышления и воспоминания «Слово и мысль – в резервации, или Монолог в наморднике...». В этой последней прижизненной публикации писатель рассказал и историю публикации своего первого романа «Неиссякаемый пласт». А. Д. Знаменский скончался в Краснодаре 3 марта 1997 г.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература.

1. Пашинина, В. С. Печорский десант / В. С. Пашинина. – Сыктывкар, 2004. – 160 с.
2. Ануфриев, А. М. Вражеский десант на Печоре / А. М. Ануфриев // Книга Памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 1996. – Т. 4. – С. 379–385.
3. Азаров, О. И. «Посылаю отряд для ликвидации» / О. И. Азаров // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми. – Сыктывкар, 1998. – С. 113–122.
4. Турьев, Г. По следам десанта / Г. Турьев // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми. – Сыктывкар, 1998. – С. 123–136.
5. Сивкова, А. По следам десанта / А. Сивкова // Дым Отечества. – Сыктывкар, 2009. – Кн. 4: 2002–2003 гг. – С. 58–67.

6. Жеребцов, И. Л. Всегда в строю, всегда в бою / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев, Н. В. Мельникова. – Сыктывкар, 2018. – 242 с.
7. Жеребцов, И. Л. Десант немецких диверсантов в Коми АССР 1943 г. в художественной, научной литературе и документах / И. Л. Жеребцов // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. – Ростов-на-Дону, 2023. – С. 116–125.
8. Берлизов, Е. М. Анатолий Знаменский / Е. М. Берлизов. – Краснодар, 1973. – 111 с.
9. Писатели Кубани / сост.: Л. А. Гуменюк, К. В. Зверев. – Краснодар, 1980. – 158 с.
10. Шевелева, И. Отблески красных дней / И. Шевелева // Наш современник. – 1989. – № 10. – С. 176–178.
11. И в засуху бессмертники цветут...: к 80-летию писателя Анатолия Знаменского. Воспоминания / ред. В. Ротов. – Краснодар, 2003. – 238 с.
12. Ткаченко, П. «Красные дни» Анатолия Знаменского и наши дни / П. Ткаченко // Наш современник. – 2023. – № 5. – С. 264–271.
13. Юдин, В. Он верил в Россию / В. Юдин // Литературная Россия. – 2023. – 25 авг.
14. Мартынов, В. Знаменский Анатолий Дмитриевич / В. Мартынов // Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1997. – Т. 1. – С. 463.
15. Мартынов, В. И. Знаменский Анатолий Дмитриевич / В. И. Мартынов // Мартынов, В. И. Литераторы земли Коми. – Сыктывкар, 2000. – С. 53–54.
16. Владимиров, Е. Анатолий Знаменский. Летописец казачества и освоения Севера / Е. Владимиров // Регион. – 2023. – № 5. – С. 40.
17. Знаменский, А. Д. Хождение за правдой. Страницы воспоминаний / А. Д. Знаменский. – Краснодар, 1991. – 350 с.
18. Елагин, В. Трагедия эпохи – трагедия таланта / В. Елагин // Кубань. – 1993. – № 3–4. – С. 79–83.
19. Рекемчук, А. Е. Пир в Одессе после холеры / А. Е. Рекемчук. – М., 2003. – 368 с.
20. Знаменский, А. Д. Слово и мысль – в резервации, или Монолог в наморднике... / А. Д. Знаменский // Литературная Кубань. – 1997. – № 2. – С. 3–4.
21. Дюжев, Ю. Строгая память / Ю. Дюжев // Север. – 1983. – № 4. – С. 108–114.
22. Знаменский, А. Д. Неиссякаемый пласт / А. Д. Знаменский. – Сыктывкар, 1956. – 498 с.
23. Знаменский, А. Д. Ухтинская прорва. Иван-чай / А. Д. Знаменский. – М., 1964. – 687 с.
24. Знаменский, А. Д. Иван-чай. Год первого спутника / А. Д. Знаменский. – М., 1987. – 574 с.
25. Рекемчук, А. Е. «Б7-Б7» выходит из игры / А. Е. Рекемчук // Красное знамя. – 1958. – № 74–86.
26. Рекемчук, А. Е. «Б7-Б7» выходит из игры / А. Е. Рекемчук // «Б7-Б7» выходит из игры: сборник приключенческих повестей и рассказов. – Нижний Новгород, 2002. – С. 229–277.

27. Знаменский, А. Д. Без покаяния / А. Д. Знаменский // Знаменский А. Д. Прометей № 319. – Краснодар, 1994. – С. 20–79.
28. Дюжев, Ю. «Приговорен к переделке» / Ю. Дюжев // Север. – 1990. – № 7. – С. 133–142.
13. Yudin, V. On veril v Rossiya [He believed in Russia] / V. Yudin // Literaturnaya Rossiya [Literary Russia]. – 2023. – August 25.
14. Martynov, V. Znamensky Anatoly Dmitrievich / V. Martynov // The Komi Republic. Encyclopaedia. – Syktyvkar, 1997. – Vol. 1. – P. 463.

References

1. Pashinina, V. S. Pechorskij desant [Pechora landing] / V. S. Pashinina. – Syktyvkar, 2004. – 160 p.
2. Anufriev, A. M. Vrazheskij desant na Pechore [Enemy landing on the Pechora] / A. M. Anufriev // The Book of Memory of the Komi Republic. – Syktyvkar, 1996. – Vol. 4. – P. 379–385.
3. Azarov, O. I. "Posylayu otryad dlya likvidatsii" [I'm sending a detachment to liquidate] / O. I. Azarov // Serving the Fatherland. State Security Bodies of the Republic of Komi. – Syktyvkar, 1998. – P. 113–122.
4. Turyev, G. Po sledam desanta [In the footsteps of the landing] / G. Turyev // Serving the Fatherland. State Security Bodies of the Republic of Komi. – Syktyvkar, 1998. – P. 123–136.
5. Sivkova, A. Po sledam desanta [In the footsteps of the landing] / A. Sivkova // Smoke of the Fatherland. – Syktyvkar, 2009. – Book 4: 2002–2003. – P. 58–67.
6. Zherebtsov, I. L. Vsegda v stroyu, vsegda v boyu [Always in the ranks, always in battle] / I. L. Zherebtsov, M. V. Taskaev, N. V. Melnikova. – Syktyvkar, 2018. – 242 p.
7. Zherebtsov, I. L. Desant nemetskih diversantov v Komi ASSR 1943 g. v hudozhestvennoj, nauchnoj literature i dokumentah [Landing of German saboteurs in the Komi ASSR in 1943 in fiction, scientific literature and documents] / I. L. Zherebtsov // The Great Patriotic War in the history and memory of the peoples of the South of Russia: events, participants, symbols. – Rostov-on-Don, 2023. – P. 116–125.
8. Berlizov, E. M. Anatoly Znamensky / E. M. Berlizov. – Krasnodar, 1973. – 111 p.
9. Pisateli Kubani [Writers of the Kuban] / Comp. L. A. Gumenyuk, K. V. Zverev. – Krasnodar, 1980. – 158 p.
10. Sheveleva, I. Otbleski krasnyh dnei [Reflections of red days] / I. Sheveleva // Nash sovremennik [Our contemporary]. – 1989. – № 10. – P. 176–178.
11. I v zasuhu bessmertniki tsvetut...: k 80-letiyu pisatelya Anatoliya Znamenskogo. Vospominaniya [And in drought, immortal bloom...: To the 80th anniversary of the writer Anatoly Znamensky. Memories] / Ed. V. Rotov. – Krasnodar, 2003. – 238 p.
12. Tkachenko, P. "Krasnye dni" Anatoliya Znamenskogo i nashi dni ["Red days" of Anatoly Znamensky and our days] / P. Tkachenko // Nash sovremennik [Our contemporary]. – 2023. – № 5. – P. 264–271.
15. Martynov, V. I. Znamensky Anatoly Dmitrievich / V. I. Martynov // Martynov, V. I. Writers of the Komi land. – Syktyvkar, 2000. – P. 53–54.
16. Vladimirov, E. Anatolij Znamenskij. Letopisets kazachestva i osvoeniya Severa [Anatoly Znamensky. Chronicler of the Cossacks and the development of the North] / E. Vladimirov // Region. – 2023. – № 5. – P. 40.
17. Znamensky, A. D. Hozhdenie za pravdoj. Stranitsy vospominanij [Walking for the truth. Pages of memories] / A. D. Znamensky. – Krasnodar, 1991. – 350 p.
18. Elagin, V. Tragediya epohi – tragediya talanta [The tragedy of the epoch is the tragedy of talent] / V. Elagin // Kuban. – 1993. – № 3–4. – P. 79–83.
19. Rekemchuk, A. E. Pir v Odessa posle holery [Feast in Odessa after cholera] / A. E. Rekemchuk. – Moscow, 2003. – 368 p.
20. Znamensky, A. D. Slovo i mysl v rezervatsii, ili Monolog v namordnike... [Word and thought in a reservation, or a monologue in a muzzle...] / A. D. Znamensky // Literaturnaya Kuban [Literary Kuban]. – 1997. – № 2. – P. 3–4.
21. Dyuzhev, Yu. Strogaya pamyat [Strict memory] / Yu. Dyuzhev // Sever [The North]. – 1983. – № 4. – P. 108–114.
22. Znamensky, A. D. Neissyakaemyj plast [The inexhaustible layer] / A. D. Znamensky. – Syktyvkar, 1956. – 498 p.
23. Znamensky, A. D. Uhtinskaya prorva. Ivan-chaj [Ukhta multitude. Ivan-tea] / A. D. Znamensky. – Moscow, 1964. – 687 p.
24. Znamensky, A. D. Ivan-chaj. God pervogo sputnik [Ivan-tea. The year of the first sputnik] / A. D. Znamensky. – Moscow, 1987. – 574 p.
25. Rekemchuk, A. E. "B7-B7" vyhodit iz igry ["B7-B7" quits the game] / A. E. Rekemchuk // Krasnoe znamya. – 1958. – № 74–86.
26. Rekemchuk, A. E. "B7-B7" vyhodit iz igry ["B7-B7" quits the game] / A. E. Rekemchuk // "B7-B7" quits the game: Collection of Adventure and Short Stories. – Nizhny Novgorod, 2002. – P. 229–277.
27. Znamensky, A. D. Bez pokayaniya [Without repentance] / A. D. Znamensky // Znamensky, A. D. Prometei № 319. – Krasnodar, 1994. – P. 20–79.
28. Dyuzhev, Yu. "Prigovoren k peredelke" ["Sentenced to alteration"] / Yu. Dyuzhev // Sever [The North]. – 1990. – № 7. – P. 133–142.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI-XX вв.» № FUUU-2025-0026.

Acknowledgements (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the research topic «State policy for the development of the European North of Russia: current problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI-XX centuries». No. FUUU-2025-0026.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета (220036, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, д. 6; e-mail: vmenkouski@gmail.com); главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Vyacheslav I. Menkousky – Dr. Sci. (History), Professor of the Belarusian State University (6, Krasnoarmeiskaya st., Minsk 220036, Republic of Belarus; e-mail: vmenkouski@gmail.com), Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Отражение истории высадки вражеского десанта 1943 года в Коми АССР в романе А. Д. Знаменского «Неиссякаемый пласт» / И. Л. Жеребцов, В. И. Меньковский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 99–106.

For citation:

Zherebtsov, I. L. Reflection of the history of the 1943 landing of the enemy troops in the Komi ASSR in the novel by A. D. Znamensky "The Inexhaustible Layer" / I. L. Zherebtsov, V. I. Menkovsky // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 99–106.

Дата поступления статьи: 24.03.2025

Прошла рецензирование: 28.03.2025

Принято решение о публикации: 04.04.2025

Received: 24.03.2025

Reviewed: 28.03.2025

Accepted: 04.04.2025